

Э.А. Синецкая

ИВ РАН

**Социальные последствия
«культурной революции»
в современной китайской литературе**

Политические кампании принято рассматривать с политической же точки зрения: причины, соотношение сил внутри правящей верхушки общества, международная ситуация и прочее из этого же ряда или, на худой конец, – положение какого-то слоя общества. Что же касается личностных переживаний и ощущений человека, попавшего в политические жернова, то на этот вопрос, естественно, отвечает литература. Отдельные судьбы, сопряжённые с «культурной революцией», описаны полно в литературе «ран и шрамов». А в последующих китайских произведениях мы находим сведения о тех сдвигах в миропонимании, мировоззрении, которыми, в общем-то, всегда сопровождаются процессы миграции, а вынужденные массовые переселения – на мой взгляд, характернейшая черта «культурной революции»¹. Немало молодых людей в результате миграционных процессов в период «культурной революции» расширили свой кругозор, лучше стали понимать процессы, происходящие в стране, особенности формирования так называемой китайской специфики; не исключено, что происходил определённый пересмотр собственной идентичности. Психологи определяют идентичность как устойчивое ощущение внутренней тождественности человека самому себе. Как правило, такая тождественность достигается за счёт соотнесения себя, своего *Я* с социальными феноменами. Механизмы идентичности на разных этапах развития личности работают по-разному, но в обществе с устойчивыми правилами и традициями человек особо не задумывается над тем, кто он есть на самом деле. Культура сама решает за него, что делать, чтобы ощущать свою половую, гражданскую, национальную и

© Синецкая Э.А., 2013

прочую идентичность. Индивид отождествляется с обычаями, традициями, социальными нормами и таким образом поддерживает в себе ощущение целостности и устойчивости внутреннего мира.

По мнению социологов, человек в сущности и есть набор правил (социально значимых кодов). Если что-то изменяется, – притом кардинально, а не только условия жизни, – и человек попадает в иную систему социальных и исторических координат существования в вынуждено новом сообществе, то внутренний мир начинает рушиться, в результате происходит девальвация прежних идентификационных рамок, вдруг осознаётся условность норм и возникает понимание, что информация из некогда авторитетного источника относительна, или даже что нет такого источника информации, которому следует целиком доверять. Перемещение в пространстве (а нередко – и во времени) влияет не только на человека, оказывающегося не по собственной воле вовлечённым в миграционный процесс, – невольно происходит и встречное влияние, мигрант может выступать в качестве проводника социальных инноваций (при условии определённых личностных качеств, как мигранта, так и представителей принимающего сообщества).

Мы можем вычитать в художественной литературе примеры привнесения элементов городской культуры в сельскую местность. Приведу в настоящий момент лишь один забавный эпизод из романа Дай Сыцзе «Бальзак и портниха китайночка» [1] (изданного на французском языке в Париже в 2000 году). Герои романа – 17-летние юноши во времена «культурной революции», так и не успевшие доучиться в техникуме (в тот период и учиться-то в техникуме нечему было, рассказывают они), были отправлены на «перевоспитание» в глухую-глухую горную деревушку в предгорьях Тибета. Там они трудились тяжело, а порой и рискованно (переноса на коромыслах грузы, в том числе расплёскивавшийся навоз, зимой по узкой горной тропке, по которой никакой транспорт кроме человека пройти не мог). Наиболее тяжкими для них были мысли о возвращении в город, которого, предполагали они, им и до глубокой старости не дождаться (если вообще дождаться), поскольку их родители оказались зачисленными во враги народа. Деревня жила не по часам, а по солнцу, и привезённый ребятами будильник (такая необходимая вещь в городе) стал просто культовым предметом. Будильник издавал сигнал кукареканья выскакивающего пёстроного петушка. Эта первая в жизни увиденная крестьянами механическая игрушка вызвала удивление, а бригадир, после объяснений, что есть что и как оно действует, стал созывать на работу, только дождавшись звона будильника у сарая, где разместили ребят. Конечно, это можно было отнести к разряду весёлых анекдотов,

но, как говорят, если нет изменений, то нет и времени. А в эту деревушку пришло время, появился прибор, фиксирующий время, появился хронометр – предмет, являющийся результатом долгого развития той цивилизации, где и секунды давно подсчитываются, то есть ход времени как бы убыстряется. Так не ускорит ли каким-то образом этот хронометр движение истории хотя бы в одном малом населённом пункте?

Но главное – в этом же романе есть сюжет о «великой силе искусства». По воле случая (но и проявив собственную волю и изобретательность к достижению желаемого) молодые люди стали обладателями целого чемодана книг западной художественной литературы, соприкоснулись с западной классикой. Подобных книг, – книг, написанных людьми других государств и переведённых на китайский язык, они не видели ни дома, ни на прилавках книжных магазинов родного города Чэнду – центра провинции Сычуань (кроме прекрасно, даже богато изданных сочинений коммунистического лидера Албании Энвера Ходжи), да и не слышали практически об этих книгах молодые люди из интеллигентных семей – их родители были не гуманитариями, а медиками, но покупали профессиональную литературу и на иностранных языках. Художественные произведения начала третьего тысячелетия показывают, что многие, почерпнутые ещё в период «4 мая» идеологемы западной культуры оказались недоступными для китайцев новых поколений уже через двадцать лет существования КНР. Не в последнюю очередь это касается принципа индивидуализма, сыгравшего немалую роль в реформировании страны и общества в новом Китае в начале прошлого тысячелетия – и потерянного в период социалистического строительства. На третьем десятке лет существования КНР городские юноши открывали для себя вновь, как когда-то китайцы в период Движения 4 мая, суть многих западных идей, волновавших тогда умы и души китайской молодёжи. Прочтение «Жан-Кристофа» Р. Роллана помогло понять «великую силу индивидуализма», помогало «постичь всё великолепие и блеск индивидуализма», и это вселяло надежду – «можно в одиночку бороться со всем миром», что «меняло и эту дерьмовую жизнь, и этот дерьмовый мир», приходят к выводу молодые люди [1, с. 107–108].

Но эта же литература, как описано в романе, была использована в попытках образовать девушку – самую красивую в деревне, дочь уважаемого в округе портного, в которую были влюблены оба героя романа, но считали её по уровню образования не достойной этого их чувства. Чтение, в том числе романов Бальзака, привело к тому, что для милой девушки открылся некий иной большой мир,

да и собственные её способности (кроме красоты и врождённого вкуса их было немало) раскрылись перед юной особой. И девушка, поняв, что имеет шанс иначе построить свою жизнь, чем в глухомани, в которой она жила, уходит из деревни².

Многие думающие люди, столкнувшись с крестьянством, в среду которого направляли на перевоспитание грамотную городскую молодёжь (и не-молодёжь тоже), приходили к выводу, что учиться у этого консервативного слоя в общем-то нечему, скорее именно крестьянская психология является причиной настолько медленного движения Китая к реформированию (см. например: [2]). В романе «Тотем волка» (狼图腾) Цзян Жуна (姜戎), человек, прожив в степях Внутренней Монголии почти 29 лет и войдя в тесное соприкосновение с природой, в результате долгих своих наблюдений и рассказов местных жителей начинает лучше понимать, что значит сохранять равновесие природных условий и человеческой деятельности, начинает понимать суть экологических проблем.

Есть ещё одна тема, на которую я в этот раз хотела бы обратить внимание. Интересен очень короткий текст, опубликованный в переиздании произведений писателя Цянь Чжуншу 钱钟书, автора вновь ставшего популярным бестселлера ещё 40-х годов романа «Осаждённая крепость» (围城) [3]. В издании же 1988 года в сборник кроме титульного романа были включены несколько рассказов Цянь Чжуншу и 6 небольших эссе его жены. Думается, это издание³ увидело свет не только потому, что автор с 1982 года являлся вице-президентом Академии общественных наук КНР (и оставался на этом посту до самой смерти в 1998 году), а по причине неизменной актуальности проблемы, описанной в романе, – проблемы строительства семейной жизни в новых условиях, возникших в стране. Предваряя «Шесть рассказов о „школе кадров“» своей жены Ян Цзян 楊絳, опубликованных в этом сборнике [3, с. 470–510], Цянь в конце 1988 года писал: «Сейчас другие времена – как говорится, вода ушла, и обнажились камни». Он считает, что прошедшие «культурную революцию» люди делятся по крайней мере на три категории. Одни больше говорят об обидах, о негодовании. Другие, возможно, испытывают чувство стыда, по причине того, что «оказались глупцами, не сумели разглядеть надуманность и вздорность обвинений, в результате пошли на поводу у других и травили хороших людей». Третьи, прекрасно понимающие, что речь шла о нагромождении не вяжущихся друг с другом измышлений, «бросались в бой за это тёмное дело». Такие, однако, этим не терзаются, ибо «люди сплошь и рядом стараются не запоминать неблагоприятные и порочащие их поступки, которые проходят через

решето памяти и исчезают без следа». И, всё-таки, констатирует Цянь, это происходит «скорее из-за отсутствия у них самого чувства стыда». Говоря о себе (и, думаю, о себе подобных), Цянь Чжуншу подчёркивает ощущение «чувства стыда», и именно за свою «трусость, ибо понимая, что творится несправедливость, побоялись поднять голос протеста и самое большое, на что решались, – не проявлять слишком большой активности» [3, с. 468–469].

Цянь Чжуншу был более чем аполитичен всю свою жизнь. Ставший популярным писателем и профессором Цинхуа при Гоминьдане, он не подвергся никаким ущемлениям при КНР – не за что было! Только роман его не переиздавался и не упоминался ни в каких обзорах новой литературы Китая. Но при «культурной революции», автор, что называется, «попал под раздачу». Лично ничему особенному он не подвергался, но вместе со всем коллективом своего Института китайской литературы, входившего тогда в Отделение философии и общественных наук Академии наук Китая, как и Институт иностранной литературы, где работа его жена, был отправлен в школу кадров, т.е. в сельскую местность.

Цянь Чжуншу родился в 1910 г. в Уси – старинном городе примерно на полпути между Шанхаем и Нанкином (край зовётся Цзяннань – «южнее Реки», то есть южнее нижнего течения реки Янцзы; город ныне – центр текстильной промышленности). Отец его был писателем, интеллигентом традиционного склада, успевшим незадолго до 1911 года получить учёную степень на императорских экзаменах, впоследствии преподавал в различных учебных заведениях.

Цянь Чжуншу учил китайский язык, как было принято, по древним канонам – учебники только-только стали появляться. Первыми прочитанными книгами были «Речные заводи», «Троецарствие», «Сказания о династии Тан», «История судьбы Цзи». Отсюда, как считается, и пошла его любовь к чтению, любовь к филологии. В десять лет он поступил в традиционную школу второй ступени, через 4 года – в Сучжоускую среднюю школу, содержащуюся американскими миссионерами, в которой получил хорошее знание английского языка, учился блестяще. В 1933 году окончил факультет английской филологии Цинхуа, стал там же преподавателем. Завоевал в 1935 году право на стипендию в Оксфордском университете. Поехал туда вместе с женой Ян Цзян – она, тоже выпускница Цинхуа, но специализировавшаяся в области филологии и культуры романских языков, поехала за свой счёт. В это время уже были непопулярны книги, читанные в отрочестве Цянь Чжуншу, да и архаический язык, на котором они были написаны, почти вышел из употребления, но *байхуа* сделал

понятными читаемое и людям с недостаточным классическим образованием. Книжные магазины заполнили переводы иностранных авторов и произведения нового поколения китайских писателей, немалое число которых учились за границей и многое заимствовали из зарубежной литературы [3, с. 8]. Защитив в Оксфорде диссертацию по теме «Китай в английской литературе XVI–XVIII веков» и получив степень бакалавра, он переехал затем во Францию, где думал защитить докторскую диссертацию в Сорбонне, но летом 1938 года Цянь Чжуншу с супругой и рождённой во Франции дочкой вернулись паромом на родину; Цянь во время пребывания за рубежом слал немало содержательных материалов для ведущих журналов и газет Китая. Шла война с Японией. Цинхуа и ряд других вузов перебрались на юго-восток Китая, в провинцию Юньнань. Семья Цянь и Ян Цзян эвакуировались в Шанхай; затем отец Цяня уехал в глубинку провинции Хунань, содействовать организации там педагогического института. Начались связанные со множеством неудобств длительные поездки в эвакуированные или вновь создаваемые в провинциях высшие учебные заведения – то по приглашению двадцативосьмилетнего Цяня на должность профессора английской филологии известным профессором филологии Фэн Юланем, бывшего на тот момент ректором Цинхуа, то по просьбе отца в организованный им педвуз в захолустном городке на Юго-западе Хунани. Потом, приехав навестить родственников в Шанхай, Цянь Чжуншу там и остался. «Где-то грохотала война, казавшаяся нескончаемой, судьба не предвещала просветов, не сулила перспектив». «Что можно противопоставить унынию и мраку? Погружение в науку, увлечение творчеством», так описывает Владислав Фёдорович Сорокин настроение Цяня и иже с ним в этот период. К тому же, как продолжает переводчик, «интервенты и их пособники изображали из себя друзей и покровителей китайской науки и культуры», – конечно, к людям лояльным, в сопротивлении не замеченным. В городе продолжала работать часть учебных заведений, действовали театры, издавались журналы и книги [3, с. 11–12]. В театрах шли преимущественно развлекательные пьески и мелодрамы. Жена Цяня имела успех, написав ряд комедий на вечные темы (вознаграждённая верность – наказанное кокетство и т.п.). Цянь Чжуншу работал в Фуданьском университете, ему отец Ян Цзян уступил часть своих часов занятий; он подрабатывал и уроками английского языка. Достатка не было, но сводить концы с концами удавалось.

Мне представляется, что Цянь Чжуншу не был обделён некоей практической сметкой. Вот устами своего молодого героя (а следует напомнить, что роман всеми безоговорочно признавался весьма

автобиографичным) он размышляет, что бы следовало изучать за границей. «Ведь все прочие специальности – математика, физика, психология, философия, экономика, юриспруденция – были импортированы в Китай из-за границы и преподаются на западный манер. Остаётся китайская филология; как бы не казалось смешным ехать учиться этому за границу, но чтобы выдвинуться на этой стезе – иностранный диплом был бы отнюдь не помехой. Ибо лишь в изучении родной филологии сохраняются доморощенные методы, поэтому предпочтительнее специалисты, „совершенствовавшиеся“ на Западе» [3, с. 33].

Итак, живя в оккупированном Шанхае, Цянь занимается творчеством: вышел сборник эссе «Заметки на полях жизни», сборник повестей и рассказов «Люди, звери, духи» (отдельное издание увидело свет уже после победы над Японией в 1946 году), работал над книгой «Об искусстве» (критический анализ различных сторон китайской классической поэзии). Однажды, вернувшись в 1944 году с очередной премьеры пьесы Ян Цзян, как всегда более чем успешной, заявил, что будет писать роман. Роман этот получил название «Осаждённая крепость» (упаси бог – никакой войны, исключительно про частную жизнь; название взято из французской пословицы «Брак подобен осаждённой крепости: кто снаружи – хочет вступить, кто внутри – стремится выйти»). Цянь закончил его через 2 года. Роман был прекрасно принят критиками прогоминьдановского толка и отрицательно – сторонниками левой творческой интеллигенции; после провозглашения КНР до 1988 года роман не переиздавался и даже не упоминался авторами вышедших в 50-е годы работ по истории новейшей литературы. А его автор целиком отдался научной деятельности. Он, перестав преподавать, становится ведущим сотрудником Института литературы, сначала являвшегося частью Пекинского университета, а затем вошедшего в состав Академии наук. В конце 50-х гг. Цянь входил в команду переводчиков «Избранных произведений Мао Цзэдуна» на английский язык. Цянь являлся одним из авторов академической «Истории китайской литературы», опубликованной в 1963 году [3, с. 17].

После завершения «культурной революции» Цянь съездил в Италию для участия в 26-й сессии Европейской конференции по китаеведению, в 1979 г. в составе делегации китайской Академии общественных наук посетил Соединённые Штаты, посетил Японию; с 1982 года до самой смерти в 1998 г. являлся Вице-президентом Академии общественных наук КНР. При этом он избегал общественной деятельности, «сознательно держал дистанцию от средств массовой информации и политических деятелей» [4].

Только попав под каток «культурной революции» (60-летним с больным сердцем был брошен со всем своим институтом на полевые работы в деревню, разлучён с женой, ибо она работала в другом институте и, стало быть, работала, что называется, в прямом смысле на другом поле, потерял зятя, покончившего самоубийством из-за травли, и пережил многое другое, присущее этому времени), он осознал цену аполитичности для нормально думающего человека. Расхожим было мнение, что чувство стыда – не то чувство, которое надо культивировать, лучше с этим чувством, писал Цянь, вообще покончить. Даже в древних канонических книгах (а он был знатоком канонов) среди «семи чувств» стыд не значился⁴. «А в наше время, – говорил Цянь, – когда общественная жизнь становится всё более напряжённой, это душевное состояние не только бесполезно, но и весьма вредно; не испытываешь его – и ладно, живи себе легко и весело». Но тем не менее, Цянь Чжуншу с присущим ему чувством юмора отмечает, что если в воспоминаниях, «неопубликованных и даже ненаписанных сочинениях больших и малых авторов (а это стало одной из быстро развивающихся отраслей литературоведения) появится отсутствующая ныне тема стыда, то в мире станет чуть меньше недостатков». И он как бы сожалеет, что в шести рассказах его жены нет седьмого – о чувстве стыда [3, с. 469]. Думал ли он на эту тему уже давно или, прочтя эссе жены, вновь вспомнил то время, но, судя по всему, в последнее время с этим чувством он жил. В 1994 году у Цянь Чжуншу диагностировали рак, его госпитализировали, и из больницы он уже не вышел. Может быть, всё-таки права медицина (европейская или китайская – не в этом суть), и разрушительное воздействие стыда, пусть и не входящего в канонические «семь чувств», могло если не ускорить разрушение телесного здоровья, то отсрочить его последние годы перед уходом из жизни?

Примечания

¹ Российский учёный О.Д. Воробьёва в своих работах пишет, что миграция населения – это «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих». О.Д. Воробьёва, считает, что, в понятие «миграция населения» различные исследователи вкладывают самый разнообразный смысл, а посему количество определений «миграции населения» столько же, сколько и авторов этих определений (в отечественных публикациях насчитывается

около 36 различных определений). При этом неточно сводить миграционные процессы лишь к миграции рабочей силы. В периоды стабильного и относительно спокойного мирового общественного развития главным видом и движущей силой территориальных передвижений является состояние рынков труда в различных регионах. Однако бывают достаточно продолжительные и нередко возникающие периоды так называемой вынужденной миграции. В эти периоды в движение вовлекаются массы социально незащищённых категорий людей, это сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни.

² Один рецензент пишет, что в заветном чемодане с драгоценными книгами были Бальзак, Стендаль, Флобер, Дюма, Роллан и ещё немало прекрасных книг, в прекрасных переводах. Однако упоминавшиеся там же имена Толстого, Гоголя, Достоевского в романе, кроме как в перечне приобретённого богатства, больше не упоминаются. «Видимо, – замечает рецензент, – у любви к литературе тоже есть свои границы». Отмечается, что при чтении этого романа «становится ясно: боль давно ушла, осталась только солоноватая ирония и светлая печаль», «ностальгия о юношеской свежести и первой любви» [6]. «Это очень живая, светлая, грустная, отчасти автобиографическая история о любви, разлуке, советском строе и о том, что в молодости всё нипочем, даже крошечный кошмар китайского „совка“» [7].

³ Роман переиздаётся вплоть до нашего времени; в 1990 г. по роману был создан телесериал [8]. Ещё в 2010 г. в списке «70 книг, рекомендованных для чтения людям, рождённым в 70-х», на 32 месте стояла «Осаждённая крепость» Цянь Чжуншу [4].

⁴ В современной медицине всё большее внимание уделяется эмоциональным и психическим причинам болезней. По некоторым данным, от 50% до 80% болезней возникает из-за внутренней эмоциональной нестабильности. В канонах традиционной китайской медицины также говорится о влиянии эмоций на развитие заболеваний. Традиционная китайская медицина сводит причины болезней человека к внутренним и внешним. Внешними причинами болезней являются шесть видов погодных изменений (ветер, холод, летнее тепло, сырость, сухость и огонь), а также «злые естественные факторы» (некоторые инфекционные патогенные агенты). Внутренними причинами заболеваний считаются семь видов «чувств» (т.е. эмоций) *цицин* 七情: *си* 喜 (радость), *ну* 怒 (гнев), *ю* 憂 (печаль), *сы* 思 (задумчивость), *бэй* 悲 (скорбь), *кун* 恐 (страх), *цзин* 驚 (испуг). В обычной обстановке эти семь чувств не приводят к болезням. Однако в результате длительного психического раздражения либо внезапной резкой психической травмы сила эмоций выходит за пределы физиологического контроля, в результате возникают недуги, которые в китайской медицине называются внутренними ранами [9]. Конечно, этот вопрос рассматривается и на глубоком философском уровне, но мне представляется, что о роли воздействия эмоционального фактора на не только моральное, но и на физическое состояние этих данных вполне достаточно.

Литература

1. *Дай Сы-цзе*. Бальзак и портниха-китаяночка. М., 2008.
2. *Цзян Жун*. Волчий тотем. М., 2007.
3. *Цянь Чжунлиу*. Осаждённая крепость. М., 1989.
4. absoluteastronomy.com/topics/Qian_Zhongshu
5. nauka-shop.com/mod/shop/productID/54036/
6. *Новикова Л.* Коммерсантъ. Weekend о романе Дай Сы-цзе «Бальзак и портниха-китаяночка» // inostrankabooks.ru/ru/text/3355/
7. <http://inostrankabooks.ru/ru/text/3216/>
8. en.wikipedia.org/wiki/Qian_Zhongshu
9. *Линь Хоушэн, Ло Пэйюй*. Семь чувств (*ци цин*). Как они связаны с *ци* (Из книги: «300 вопросов о цигун. Секреты китайской медицины») // http://www.qigong.ru/materials/detail_mat.php?lng=r&id=328; *Иоффе Филипп*. Китайская медицина: семь чувств – внутренние причины болезней // <http://www.epochtimes.ru/content/view/52704/7/>